

3. Прудон П. Ж. Система экономических противоречий, или Философия нищеты / П. Ж. Прудон. – Париж, 1846. – Т. 1.
4. Брегель Э. Л. Политическая экономия капитализма / Э. Л. Брегель. – М. : Международные отношения, 1968.
5. Трудовой кодекс РФ. – М. : Российская газета, 2008.
6. Цены в России : стат. сб. / Росстат. – М., 2010.
7. Петти У. Экономические и статистические работы / У. Петти. – М. : Соцэкгиз, 1940.
8. Смит А. Антология экономической классики / А. Смит. – М. : Соцэкгиз, 1953. – Т. 1.
9. Остапенко Ю. Экономика труда / Ю. Остапенко. – М. : ИНФРА-М, 2014.
10. Осадчая И. Стоит ли перечитывать Маркса? / И. Осадчая // Наука и жизнь. – 2002. – № 4. – С. 56.
11. Маркс К. Капитал / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2.

References

1. Marx K. *Kapital* [Capital]. Moscow, Politizdat publ., 1970, vol. 3.
2. Symonenko V. *Mekhanizm otnosheniy po oplate truda rabotnikov i ego informatsionnoe obespechenie na urovne predpriyatiya* [The mechanism for the remuneration of employees and its information support at the enterprise level]. – М., 2011.
3. Proudhon P. J. *Sistema ekonomicheskikh protivorechiy, ili Filosofiya nishchety* [System of economical contradictions or Philosophy of poverty]. Paris, 1846, vol. 1.
4. Bregel E. L. *Politicheskaya ekonomiya kapitalizma* [The political economy of capitalism]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1968.
5. *Trudovoy kodeks RF* [The labour code of the Russian Federation]. Moscow, Rossiyskaya gazeta Publ., 2008.
6. *Tseny v Rossii* [The prices in Russia]. Moscow, 2010.
7. Petty W. *Ekonomicheskie i statisticheskie raboty* [Economic and statistical work]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1940.
8. Smith A. *Antologiya ekonomicheskoy klassiki* [The anthology of economic classics]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1953. Vol. 1.
9. Ostapenko J. *Ekonomika truda* [Labor economics]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014.
10. Osadchaya I. *Stoit li perechityvat Marksa?* [Whether to re-read Marx?]. *Nauka i zhizn* [Science and life], 2002, no. 4, p. 56.
11. Marx K. *Kapital* [Capital]. Moscow, Politizdat publ., 1970, vol. 2.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГОСЛАВИИ И УКРАИНЫ)

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор
Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: baranovandrew@mail.ru

Выявлены особенности кризиса национального государства на материалах Югославии и Украины 1980–2010-х гг. Югославия испытала распад в итоге выбора децентрализованной федеративной системы, этнического строения системы власти, противоречий между экономическими интересами регионов. Запад дестабилизировал Югославию, поощрял этнорелигиозный конфликт, выбрал стратегию дробления страны на слабые и враждующие сегменты, ослабления её православного ядра – Сербии. Украина – пример глубоко расколотого многонационального государства. Отсутствует стабильная национальная идентичность большинства граждан. Устойчиво проявляются долгосрочные размежевания. Причиной кризиса украинского государства стал отказ элит от славянского единства, курс принудительной вестернизации. Эти государства испытывают территориальные процессы фрагментации. Их цели одинаковы: подчинение стран воле Запада, поощрение длительных конфликтов, разрушение национальных государств.

Ключевые слова: национальные государства, кризис, геополитические трансформации, Сербия, Украина

THE GLOBAL GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS
AND NATIONAL STATES' CRISIS
(ON THE MATERIALS OF JUGOSLAVIA AND UKRAINE)

Baranov Andrey V., D.Sc. (Policy), D.Sc. (History), Professor
Kuban State University
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: baranovandrew@mail.ru

In the article the features of the crisis of the nation-states in terms of geopolitical transformation 1980–2010-s are established on materials of Yugoslavia and Ukraine. Yugoslavia experienced a crisis and then the collapse, as a result of the choice of a decentralized federal system, constructing a system of ethnic power, the contradictions between the economic interests of the regions. The West destabilized Yugoslavia, encouraged ethnic and religious conflicts, chose the strategy of crushing the country on weak and warring segments, weakening its orthodox core – Serbia. Ukraine – an example of a deep split, multinational state. Stable national identity of the citizen's majority is absent. Steadily manifests long-term cleavages. The main reason for the crisis was the failure of the Ukrainian state elites of Slavic unity, the rate of forced Westernization. Both states experienced territorial fragmentation processes. Their goals are the same: submission to the will of the countries of the West, promoting long-term conflicts, the destruction of national states.

Keywords: the nation-state, crisis, geopolitical transformations, Yugoslavia, Ukraine

Глобализация коренным образом изменяет условия развития государств. Принципы национального суверенитета и территориальной целостности государств подверглись эрозии. Государство передает часть полномочий и ресурсов власти на транснациональный уровень, часть – на субнациональный и локальный уровни политий. Развитие в нарастающей мере зависит от внешнеполитических, а не внутренних факторов. «Центры силы» мировой политики получили право на вмешательство во внутреннюю политику «слабых» и «несостоявшихся» государств, что обосновывается приоритетом международного права над государственным (примеры Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии). Эти случаи настолько многочисленны, что стали нормой, а не исключениями из правил.

Для политической науки важен сравнительный анализ кризиса государственности Югославии и Украины. Эти страны близки по цивилизационным признакам (принадлежность к православному миру, полиэтничность, разделенность на ареалы конфессий – православия, ислама, католичества). Сходны сценарии провоцирования конфликтов, установления геополитического контроля в действиях зарубежных и глобальных акторов.

Цель статьи – выявить особенности кризиса национального государства в условиях геополитических «перегрузок» на материалах Югославии и Украины. Хронологические рамки работы – постсоциалистический период, но делаются также более глубокие исторические экскурсы.

Международные исследования, политическая наука, геополитика, конституционное право дают противоречивые оценки кризиса национальных государств. Ранее была общепринятой трактовка темы в духе безусловной защиты государственного суверенитета и критики сепаратизма [31, с. 339–369]. Но современные эксперты переносят акцент на выявление критериев государственной состоятельности, причин кризиса «слабых» государств, их фрагментации и формирования новых государств [20, с. 6–93]. С. Бартолини определяет признаки государственной состоятельности: наличие организации для мобилизации ресурсов (госаппарата и налоговой системы); решение задач внешней консолидации территории (формирование и укрепление армии); поддержание правопорядка с помощью систем юстиции и полиции; государственное регулирование экономики и социальной сферы [38, р. 234]. Добавим способность государства обеспечивать эффективное выполнение своих функций. Во внутривнутриполитическом аспекте состоятельное государство эффективно контролирует

всю территорию, рассматривается большинством населения как легитимное, обеспечивает безопасность, имеет монополию на законное применение силы.

Сецессионизм проявляется и в странах консолидированной демократии (Канаде, Великобритании, Франции, Испании, Италии, Бельгии), и более чем в 40 развивающихся странах. Прямой зависимости между качеством жизни, уровнем обеспечения прав человека и территориальной целостностью государства нет. Ведущими факторами фрагментации государств выступают: незавершенное нацистроительство; слабость общенациональной идентичности в сравнении с региональными, этническими и конфессиональными; «повестка дня» территориальных конфликтов, т.е. субъективное измерение кризиса.

Для оценки уровня кризиса полезен алгоритм Р. Ротберга: «сильное государство» – «слабое» – «гибнущее» – «неудавшееся (провалившееся)» – «коллапсировавшее государство» [40, р. 1–25]. Центробежные движения по нарастающей образуют ряд: автономизм, регионализм, федерализм, сепаратизм. Индикаторы кризиса государства: наличие спорных и слабо контролируемых территорий; экономическая, социальная и культурная разобщенность народа; соотношение ресурсов государства и его конкурентов; прочность контроля над территорией (легитимного или нелегитимного); мера радикализма методов борьбы; международная поддержка и признание сецессионистских движений.

Перейдем к сравнительному анализу кризиса государства в Югославии и Украине.

Политическая практика югославского федерализма 1945–1990 гг. имела мало общего с декларированными правовыми нормами. Формально Конституция и выступления лидеров Югославии провозглашали полное равноправие народов на добровольной основе и интернационализм. На деле режим личной власти И. Броз Тито балансировал между этнократическими элитами в шести республиках, стараясь обеспечить их баланс и подчинение центру. Эта задача обусловила проведение курса «слабая Сербия, сильная Югославия». Модель «самоуправленческого социализма» децентрализовала власть и усилила этнократические намерения в республиках.

Сепаратизм впервые открыто проявился в массовых выступлениях косовских албанцев (1968 г.) с требованиями создать республику – субъект федерации, выведя её из состава Сербии. За 1890–1981 гг. албанцы, благодаря террору против сербов, более высокой рождаемости и миграции, увеличили свое присутствие в Косово и Метохии с 50 до 77,4 % населения, а к 2007 г. – до 92 %. [22, с. 195, 187]. Партийно-государственные элиты Хорватии тоже попытались в 1970–1971 гг. добиться независимости республики, что привело к подавлению сепаратизма.

Новый баланс политических сил обеспечивался в Конституции Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) 1974 г., означавшей важные уступки центра элитам республик. СФРЮ провозглашалась «союзным государством, т.е. государственной общностью добровольно объединившихся наций и их социалистических республик», а также автономных краев Воеводины и Косова в составе Сербии [11, с. 3–4]. Комиссия по конституционной реформе взяла за основу принцип приоритета прав республик, что означало договорной тип федерации и сужение компетенций центра. Конституция предоставила союзным республикам де-факто статус государств: они получили львиную долю экономических ресурсов, право участия в международных отношениях, право вето на решения федеральных органов. Автономные края Воеводина и Косово приравнивались в полномочиях к республикам, что подорвало влияние Сербии. Союзные власти контролировали только оборону и безопасность, внешнюю политику, денежную систему. Югославия стала быстро сползать к конфедерации.

После смерти И. Броз Тито функции Президента Югославии перешли к Президиуму СФРЮ – коллегиальному органу. Он избирался на пять лет из восьми представителей (по одному от республик и краев) с участием председателя Президиума ЦК Союза Коммунистов Югославии. Ежегодно проводилась ротация председателя Президиума СФРЮ (по очереди должность занимали члены Президиума от субъек-

тов федерации). Такая внешне демократическая система расшатывала власть, усиливала центробежные намерения регионов. Аналогично, по квоте от республик и краев парламент избирал правительство.

Социалистический федерализм в Югославии не уменьшил, а усугубил этноконфессиональные и цивилизационные расколы общества. Югославская модель держалась на трех основах: 1) компромиссе СССР и западных держав о разделе сфер влияния в Европе; 2) крупных инвестициях западных государств и бизнеса с целью продемонстрировать странам социализма преимущества рыночной экономики; 3) харизматическом лидерстве И. Броз Тито.

Дестабилизация Югославии началась в 1980 г., когда экономический застой совпал со смертью Тито и общим кризисом социалистических стран. Объективную почву центробежности представляла замкнутость экономических систем субъектов федерации, усилившаяся из-за роста неравномерности их развития. Вопреки курсу «подтягивания» отстающих Косово, Черногории, Боснии и Македонии, диспропорции экономики росли, поскольку инвестиции поглощала бюрократия. К 1974 г. уровень доходов жителей богатейшей из республик (Словении) был в восемь раз выше беднейших (косоваров) [4, с. 314]. Новому поколению элиты пришлось выплачивать внешний долг в 20 млрд дол. и гасить очаги сепаратизма, не обладая ни талантами, ни харизмой Тито [8, с. 37]. В республиках и краях созрели этнократические кланы, тяготевшие к марксистской фразеологии, и государственным единством. «Первый звонок» прозвучал в 1981 г. в Косово, где сепаратисты выдвинули лозунг создания союзной республики и аннексии части территории Черногории, Македонии и Сербии. Албанцы-косовары прибегли к массовому насилию против сербов. В ответ федеральные органы ввели войска в Косово. Сепаратистскую программу выдвинули также власти Словении и Хорватии.

Центр и заинтересованные в его сохранении элиты Сербии попытались в 1986–1989 гг. перехватить инициативу. Меморандум Сербской академии наук и искусств (1986 г.) выразил интересы республиканских элит: сербы единственные в СФРЮ лишены государственности, а косовские албанцы проводят «неофашистскую агрессию» с целью создать этнократию [12, с. 220–221]. Пытаясь остановить сползание в хаос, Скупщина СФРЮ в 1988 г. приняла поправки к Конституции страны. Они ограничили сферу консенсуса федерации и регионов в союзном парламенте; отменили принцип единогласия в действиях исполнительных органов. Союзный суд получил право контролировать исполнение федеральных законов республиканскими и краевыми органами. Народный банк передан из совместного ведения в исключительное ведение Скупщины СФРЮ. Расширились налоговые и финансовые полномочия центра [10, с. 97].

После прихода к власти в Сербии С. Милошевича Президиум СФРЮ ввел особое положение в Косово. Обновленная Конституция Сербии (октябрь 1990 г.) лишила края Воеводину и Косово статуса субъектов СФРЮ с правом вето на республиканские решения [37, с. 354]. Края были возвращены к положению автономий, какими они были до 1974 г. Действия власти Сербии не превышали необходимой меры защиты федерации перед лицом все более агрессивного сепаратизма.

Распад Югославии стал закономерным проявлением революций 1989–1990 гг. в Восточной Европе. Крах социалистических моделей развития усугубил этнополитический кризис. Переориентация Восточной Европы в геополитике на США и НАТО не оставила «большой» Югославии шансов выжить. Показательны совпадения распада СФРЮ и СССР как по времени, так и по технологиям дезинтеграции.

Политические элиты Словении и Хорватии созрели для разрыва с СФРЮ в 1989 г., маскируя развал союза требованиями ввести «асимметричную федерацию». В начале 1990 г. словенская и хорватская делегации сорвали съезд Союза коммунистов Югославии и добились роспуска СКЮ. Весной 1990 г. первые альтернативные выборы привели к власти националистические партии. Новые парламенты приняли декларации о государственном суверенитете, вскоре подтвержденные на референду-

мах и путем принятия конституций независимых государств. Государственный строй новых стран строился на основе этнократии и сербофобии. Так, лидер Хорватии Ф. Туджман добивался отделения республики в сомнительных границах времен СФРЮ, но отрицал легитимность самопровозглашенной Республики Сербской в пределах компактного проживания сербов.

Переговоры между республиками и краями о политическом статусе Югославии (конец 1990 – весна 1991 г.) выявили несовместимость позиций сторон. Сербия и Черногория пытались сохранить федерацию в урезанном составе. Босния и Герцеговина, Македония заняли промежуточную позицию. Наиболее экономически сильные Хорватия и Словения на словах предлагали конфедерацию, а на деле стремились к развалу страны. Последний Президент СФРЮ хорват С. Месич в 1995 г. признавался: «Мне хотелось увлечь идеей распада Югославии тех, кто обладал весомым влиянием в Европе – Геншера и Папу ... И тот, и другой согласились, что было бы лучше, если бы СФРЮ перестала существовать» [28, с. 31].

Встречи представителей субъектов федерации неоднократно принимали решение провести в каждой республике референдумы о будущем статусе Югославии. Но решение так и не было принято. Создав за 1990–1991 гг. незаконные военные формирования, Хорватия и Словения сделали решающий шаг к развалу СФРЮ. 26 июня 1991 г. обе республики сделали согласованные заявления о независимости. Неудачная и робкая попытка федеральных властей ввести Вооруженные силы СФРЮ в отделившиеся республики только укрепила их сепаратистские режимы.

Развал Югославии стал легким и быстрым благодаря геополитической поддержке НАТО, ЕС и прежде всего Германии. 17 декабря 1991 г. министры иностранных дел стран ЕС приняли Декларацию о критериях признания новых государств в Восточной Европе и СССР. В тот же день министры одобрили декларацию о Югославии, выразившую готовность ЕС признать независимость тех республик, которые подтвердят соответствие критериям Сообщества. По инициативе Германии последовало признание Словении и Хорватии, а позже – остальных отделившихся государств [37, с. 192–193]. Данные решения стран ЕС нелегитимны, поскольку они игнорировали Хельсинский акт 1975 г. в части положений о нерушимости европейских границ. ЕС создал основу оправдания сепаратизма. Именно политика США и ЕС в целях экспансии на Балканы закрепила складывание этнократических и авторитарных режимов в бывшей Югославии.

Союзная Республика Югославия (СРЮ) образовалась как договорное объединение равноправных субъектов федерации – Сербии и Черногории, объявленных правопреемниками СФРЮ. Согласно переписи 1991 г. этнический состав населения был следующим: сербы – 62,6 %, албанцы – 16,5 %, черногорцы – 5 %, венгры – 3,3 %. Религиозный состав: православные – 65 % верующих, мусульмане – 19 %, католики – 4 % [6, с. 385]. СРЮ стала более однородной, чем «большая» Югославия, но резко сократилось её геополитическое и экономическое влияние.

Союзная Республика Югославия, согласно Конституции 1992 г., объявлялась «суверенным государством, основанным на равноправии граждан и равноправии республик-членов» (ст. 1) [34, с. 2–5]. Преамбула утверждала добровольность объединения субъектов федерации – республик Сербия и Черногория. В составе Сербии продолжала существовать два автономных края: Воеводина, а также Косово и Метохия.

Президент СРЮ избирался косвенным порядком на заседании парламента. Хотя юридически полномочия Президента были невелики, харизматический лидер С. Милошевич сумел создать режим президентской личной власти. Законодательная власть СРЮ принадлежала двухпалатному парламенту – Скупшине. Он состоял из Веча граждан (90 депутатов от Сербии и 30 от Черногории) и Веча республик (по 20 от парламента каждой республики). Установленные нормы представительства давали выгоды Черногории, поскольку ее население в 17 раз меньше сербского [34, с. 12–15].

Политическая система СРЮ 1990-х гг. повторяла черты модели СФРЮ. Отметим серьезные проявления конфедерализма в конституционном строе страны: квоту выбо-

ра депутатов в нижнюю палату Скупщины, косвенный порядок формирования верхней палаты, необходимость согласия 2/3 состава обеих палат Скупщины на изменение союзной конституции. Для изменения важнейших статей Основного закона требовалась санкция республиканских парламентов [34, с. 13–17]. Сербия и Черногория имели право порознь вступать в международные организации и заключать международные договоры, иметь представительства в третьих странах. В состав федеральных военных ведомств входили президенты обеих республик. Президент СРЮ и Председатель Правительства избирались обязательно от Сербии и Черногории поочередно.

Постсоциалистическая Югославия испытывала сильнейшее давление не только НАТО и ЕС (экономическая блокада, приостановка участия в международных организациях), но и изнутри (сепаратизм в Косово и Черногории). Страны Запада всемерно поощряли сепаратизм в СРЮ, преднамеренно превращали внутренние конфликты в международные. Закономерен итог последовательного курса НАТО и США – агрессия против Югославии (1999 г.) под предлогом защиты косовских албанцев. Агрессия НАТО завершилась оккупацией Автономного края Косово и Метохия и на деле вывела край из состава Сербии [39, р. 49–232; 41, р. 121–134]. После свержения режима С. Милошевича (2000 г.) отпала главная преграда сепаратистским намерениям элит Черногории. Когда истек срок моратория на референдум о независимости, Сербия и Черногория в 2007 г. разделились. В 2008 г. парламент Косово провозгласил независимость данной территории, даже не проводя референдум [2, с. 59–72]. Босния и Герцеговина (БиГ), принудительно сохраненная по Дейтонским соглашениям, имеет конфедеративный строй, и она не распадается только из-за военного контроля международных «миротворческих» сил [15, с. 100–132]. По сути, функция БиГ – не допустить воссоединения сербской нации. Таков итог стратегии Запада – поэтапного расчленения Югославии на мелкие подконтрольные государства, поддержания «управляемого хаоса».

Выявим политико-территориальные проявления кризиса государства на Украине. Ярко проявляется разнородность пространства, вызванная затяжным формированием государственной территории. До 1918 г. отдельной от России государственности Украина не имела. Формирование украинской нации и в этноязыковом, и в государственно-политическом аспектах началось не раньше середины XIX в. и не завершено. Восемь из 27 областей Украины составляют историко-культурное сообщество Новороссия, и до 1918 г. даже украинские националисты не считали его своим [33, с. 337–396]. Крым с правовыми нарушениями был передан из состава РСФСР в Украину (1954 г.). Закарпатская область, где проживают русины, венгры и румыны, вошла в состав СССР с 1945 г., Черновицкая область и юг Одесской области – с 1940 г.

Украина относится к числу стран с «искусственными» границами, что вызвало качественную разнородность ее экономической и социальной, этноконфессиональной структур. Юг и восток быстрее проходили урбанизацию и индустриализацию. Значительно сказывается на размежевании украинцев отраслевой профиль экономики макрорегионов. На юге и востоке сосредоточено 80 % промышленного потенциала страны [16, с. 44]. По расчетам А. Кошика (Киевский центр политических исследований и конфликтологии), юг и восток производили в 2004 г. 58 % валовой добавленной стоимости и 54,4 % налоговых поступлений в бюджет, 3/4 объема реализованной промышленной продукции, 64 % экспорта страны [13].

Общеизвестна конфессиональная разнородность Украины. Запад страны исповедует католицизм и униатство, восток и юг – православие (преобладали приходы Украинской православной церкви Московского патриархата), центр имел смешанные религиозные ориентации.

Преобладающий фактор формирования идентичности – языковой. Украинское общество разделено пополам по приверженности государственному языку. По опросу 2011 г. (Украинский центр экономических и политических исследований им. А. Разумкова), в семье 45 % жителей говорит по-украински, 10 % – на обоих языках, 45 % – на русском. В западных областях считали украинский язык родным

практически все респонденты (свыше 95 %); в центральных областях и Киеве – половина опрошенных; на востоке и юге предпочитали русский язык [3].

Важный аспект – мнение респондентов о статусе русского и украинского языков. В 2002 г. считали, что украинский язык – единственный государственный, а русский – лишь бытовой (язык национальных меньшинств) 74,5 % жителей западных областей; 44,3 % – центральных; 17,7 % – восточных и 14 % – южан (по данным Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова). С государственным статусом обоих языков соглашались 53,3 % южан, 55,3 % жителей восточных областей, 30,2 % в центральных областях и 7,9 % в западных [17, с. 219]. Судя по опросу 2006 г., во всей Украине поддерживали статус русского языка как второго государственного 56,2 % респондентов; против выступали 35,9 % [24, с. 134]. По итогам опроса службы «Рейтинг» в октябре 2013 г. за предоставление русскому языку государственного статуса выступали 43 % респондентов, против – 51 %, в том числе государственный статус русского языка пользовался безоговорочной поддержкой в Донбассе и Крыму (по 85 %), на юге страны (69 %), на востоке (не считая Донбасса) – 57 % [35, с. 34]. Решение Верховной Рады Украины об отмене регионального статуса русского языка (февраль 2014 г.) углубляет этнокультурный и языковой раскол, принуждает к украинизации.

По опросам среди прозападных сторонников В. Ющенко (2004–2005 гг.) в 1,8 раза чаще встречались сельские жители, чем в электорате В. Януковича. Напротив, среди пророссийских избирателей почти в 1,3 раза чаще встречались горожане [36, с. 217].

Раскол отчетливо проявляется и в политическом позиционировании жителей Украины. В отношении вступления в НАТО высказывались «за» 17,6 % избирателей В. Ющенко и 7,3 % сторонников Януковича. Поддерживали участие в военных структурах СНГ 13,8 % сторонников Ющенко и 27,8 % – Януковича [23, с. 138–140]. Все выборы на Украине за 1992–2012 гг. воспроизводили отчетливое геополитическое деление страны: запад и центр – за ориентацию на США и Евросоюз, юг и восток – за союз с Россией.

Этнополитические размежевания населения Украины жестко проявляются и в оценке ключевых событий истории: выбора веры, Переяславской Рады, Руины и измены И. Мазепы, «Голодомора», Великой Отечественной войны, советской эпохи в целом [18].

Жители Украины сохраняли близкую этнокультурную дистанцию с русскими. Опрос, проведенный Киевским международным институтом социологии в ноябре 2012 г. (выборка 2048 чел.), показал индекс этнокультурного дистанцирования от русских 2,7 балла (почти не изменился в сравнении с 2,5 в 1992 г.). Никакой другой народ не рассматривался жителями Украины как столь близкий. Удельный вес «граждан СССР» составлял 8,3 %. Характерен повышенный уровень региональной и «советской» идентичности среди этнических русских, жителей востока и юга, лиц среднего и пожилого возраста [1; 5, с. 63].

До переворота 2014 г. Украина оставалась смешанной республикой с дисперсной многопартийной системой. Ю. Мациевский доказал циклический характер трансформаций украинского политического режима в постсоветский период по осям «низкое – высокое политическое участие»; «высокая – низкая конкуренция»; «демократия – авторитаризм». Зигзагообразная траектория трансформаций привела к переходному, слабоинституционализированному режиму [19, с. 17–37].

Кроме долгосрочных социокультурных размежеваний, приоритетное значение имеет структура политических и бизнес-элит. В Украине она олигархична: 6–7 группировок корпоративного капитала (Р. Ахметова, Д. Фирташа, И. Коломойского и Г. Богolóбова, Ю. Косюка, А. Вереvского, О. Бахматюка), ресурсные базы и зоны влияния которых во многом совпадают с регионами, контролировали власть. По подсчетам журнала «Украинский тыждень» (г. Киев), в 2011 г. только 49,8 % продукции Украины реализовано на рынках без ограничения конкуренции [7, с. 16–19]. С 2010 г. процессы монополизации, сращивания государственной власти и государ-

ства активизировались. Накануне выборов в Верховную Раду Украины (октябрь 2012 г.) крупный бизнес контролировал основную часть кандидатов. Э. Уилсон признает: хотя раскол элит стал одним из важнейших факторов успеха «оранжевой революции», он обернулся «серьезным препятствием: равновесие сил между кланами способствовало сохранению пагубного тупика, в котором оказались порядка 6 деловых групп, финансирующих политическую систему» [32, с. 155]. Институциональный формат украинской политики – высокая степень фрагментации элит, коалиционный тип партий, тяга регионов к изоляции препятствуют консолидации режима по моноцентрическому сценарию. Режим до 2014 г. использовал стратегии балансирования между регионами и корпоративным бизнесом – «вето-игроками», применяя временные коалиции.

Прочная украинская идентичность (в государственном и этнокультурном смыслах) не сформирована. Вряд ли она может быть быстро усвоена массовым сознанием на основе ценностей и ориентаций, присущих лишь одному из соперничающих макрорегионов – западу или востоку. В 2002 г. считали себя прежде всего гражданами Украины – 41,0 %; жителями местности – 31,6 % опрошенных; жителями региона – 5,9 %; представителями своего народа – 3,0 %; гражданами СССР – 12,7 %; гражданами мира – 2,7 % [14, с. 342]. Значительная часть жителей имела двойную идентичность.

Данные долгосрочные факторы сделали Украину «глубоко расколотым» государством, воспринимаемым как объект международного соперничества, а не как самостоятельный субъект геополитики. Киевский социолог В.В. Фесенко, не питающий симпатий к России, признает важнейшей предпосылкой кризиса этнокультурную и цивилизационную неоднородность украинского общества [35, с. 26].

Эскалация конфликта началась с лета 2012 г. в связи с принятием закона Украины о региональных языках. Опрос Центра им. А. Разумкова (27 июля – 9 августа 2012 г.) во всех регионах (репрезентативная выборка – 10979 человек старше 18 лет, погрешность 1 %) выявил различия. На западе доминировала националистическая приверженность (29 %). В центре – равенство националистической (15 %) и социал-демократической (13 %) приверженности. На юге и востоке преобладала поддержка союза с Россией (14 %) и коммунистических идей (8–9 %). Среди сторонников Партии регионов наибольший уровень желающих воссоединения с Россией (22 %) [9, с. 60–61].

Рассмотрим развитие общественного мнения по вопросам участия Украины в евразийской либо европейской интеграции. Так, в декабре 2012 г. анкетный опрос Центра «Социальный мониторинг» (выборка – 2003 чел.) показал: 46 % респондентов считали, что Украина должна стать полноправным участником Таможенного союза (ТС), 35 % полагали, что Украина должна заключить договор о зоне свободной торговли и политической ассоциации с Европейским Союзом (ЕС), 19 % – не определились. Идею вынести вопрос вступления Украины в ТС на референдум поддерживало большинство населения (62 %), а доверить рассмотрение вопроса Верховной Раде и Президенту были согласны 24 %. Для большинства опрошенных приоритетна возможность иметь безвизовый режим с Россией, даже если для этого Украина должна не вступать в ЕС – так считал 51 % опрошенных. 30 % хотели, чтобы Украина подписала договор о политической ассоциации и зоне свободной торговли с ЕС и имела с Россией закрытые границы с визами и таможенями. Для 62 % приоритетным было сохранение безвизового режима с Россией [29]. Результаты опроса, проведенного Центром «Социальный мониторинг» в ноябре 2012 г., в вопросе выбора между договором об ассоциации с Евросоюзом или участием в Таможенном союзе с Россией зафиксировали региональные размежевания: на Западе преобладали сторонники ассоциации с Евросоюзом (66 %); соотношение равное в Центре страны; существенно преимущество сторонников Таможенного союза на востоке (54 %) и юге (74 %) [29].

Украинские органы власти ни до, ни тем более после переворота 22 февраля 2014 г. не провели референдум по этим важнейшим вопросам. Общественное мнение

было проигнорировано. А ведь референдум полностью соответствовал демократическим принципам и помог бы стране избежать гражданской войны.

Ситуация стала быстро меняться с 2013 г. вследствие информационной войны. Финансирование кампании о преимуществах европейской интеграции в Украине вели три ключевых игрока: представительство ЕС, посольство Великобритании и Международный фонд «Возрождения» Дж. Сороса. В сумме зарубежные лоббисты евроинтеграции в 2013 г. финансировали пропаганду в Украине на 1,8 млн евро [27]. Средства расходуются на телепрограммы, информационные материалы, проведение круглых столов и конференций, производство обучающих фильмов. Россия же предпочитала традиционные методы: переговоры государственных лидеров и бизнес-делегаций, акцент в пропаганде СМИ на общее историческое наследие и трансграничные связи, выгоды промышленного сотрудничества. Информационная и дипломатическая активность РФ проиграла европейской по креативности и наступательности.

Судя по анкетному опросу компании «Рейтинг» 26 сентября – 6 октября 2013 г. (выборка 2000 чел.), 53 % респондентов поддерживали курс на присоединение Украины к ЕС. 35 % опрошенных не желали объединяться с ЕС, 12% не определились. По мнению большинства, подписание соглашения о зоне свободной торговли с ЕС для Украины более выгодно (47 %), чем вступление в Таможенный союз с Россией, Беларуссией и Казахстаном (34 %) [30]. Количество респондентов, которые поддерживали вступление Украины в Евросоюз, в середине марта 2014 г. достигло 52 %, а желавших вступления в Таможенный союз снизилось до 25,6 %. За вступление в НАТО в середине марта 2014 г. выступали 44 % против – 47 % [35, с. 33–34]. Опрос, проведенный службой “GfK Ukraine” 24–28 сентября 2014 г. (выборка – 976 респондентов старше 18 лет), дал 52 % поддержки вступления в НАТО. Против вступления в НАТО высказались 19 %. Признались, что не голосовали бы на референдуме 18 %, 10 % не определились. Традиционна наивысшая поддержка вступления в НАТО среди жителей западного региона и киевлян (73 и 71 % соответственно), самая низкая – на юге и востоке страны (36 и 27 %) [25].

Столь масштабное и быстрое переориентирование общественного мнения стало возможным, во многом, из-за низкой осведомленности населения Украины. По заказу посольства Великобритании компания “Key Communications” провела весной 2013 г. исследование уровня информированности о преимуществах соглашения об ассоциации с ЕС. Вывод: «уровень информированности различных целевых аудиторий относительно европейской интеграции в целом и Соглашения об ассоциации в частности – очень низок». «Только 5,3 % граждан оценивают уровень информированности о ЕС как высокий, 38,6 % определяют уровень знаний как средний. Низкий уровень информированности отмечают 43,5 %. Каждый десятый не имеет никакой информации о ЕС», – пояснял заместитель генерального директора Центра им. А. Разумкова В. Чалый [27]. После государственного переворота 22 февраля 2014 г. кумулятивный эффект имела гражданская война, вызвавшая эффекты русофобии и надежды на помощь Запада.

Свержение законных органов государственной власти Украины имело движущей силой, прежде всего, сообщества запада и центра страны. Поэтому поддержка унитарного устройства Украины, по сведениям социологической службы «Рейтинг», выросла от 2011 г. к марту 2014 г. с 50 до 61 %, а федерации слегка сократилась – с 25 до 24 %, 15 % респондентов не определились. В Донбассе за федеративное устройство выступали 59 % опрошенных [26].

Киевский международный институт социологии провел опрос 8–18 февраля 2014 г. (выборка – 2032 человек старше 18 лет во всех областях Украины и Крыму, погрешность 2,2 %), 30 % в качестве основной причины Евромайда на указали «вливание Запада, стремящегося втянуть Украину в орбиту своих политических интересов». Но мнения резко дифференцированы по регионам: на востоке и юге так считали 57 и 44 %, в центре и на западе – 17 и 5 %. Наибольший удельный вес тех, кто симпатизировал участникам «Евромайдана», в западном (80 %) и центральном реги-

онах (51 %). На юге 20 % симпатизировало участникам силового давления на власть. Меньше всего их было в восточном регионе – 8 % [21].

Удельный вес респондентов, которые желали объединения Украины и России в одно государство, составил 8–18 февраля 2014 г. 12,5 % в среднем по стране (41,0 % в Автономной Республике Крым, 33,2 % – в Донецкой области, 24,1 % – в Луганской, 24,0 % – в Одесской, 16,7 % – в Запорожской, 15,1 % – в Харьковской, 13,8 % – в Днепропетровской области). За время «майданного» движения уровень таких настроений по стране вырос с 9 до 12,5 % [21]. Преобладала позиция: «Украина и Россия должны быть независимыми, но дружественными государствами, без виз и таможен» (68 % ответов). Выступали за отношения с Россией на общих основаниях (с закрытыми границами, визами и таможенями) 15 % [35, с. 32].

Таким образом, глубокие социально-исторические расколы украинского общества требовали от элит проводить политику федерализации, обеспечивать реальное равноправие народов, конфессий и языковых сообществ. Но недалевидный национал-радикализм и поддержка Запада вызвали унитарный курс правящих элит Украины. Результатом стал ответный подъем русского освободительного движения в Крыму и Донбассе, а затем – и воссоединение Крыма с Россией.

Сделаем выводы. Ведущими факторами фрагментации «слабых» государств выступают: незавершенное нациестроительство; слабость общенациональной идентичности в сравнении с региональными, этническими и конфессиональными; «повестка дня» территориальных конфликтов. Индикаторы кризиса государства: наличие спорных и слабо контролируемых территорий; экономическая, социальная и культурная разобщенность народа; соотношение ресурсов государства и его конкурентов; прочность контроля над территорией (легитимного или нелегитимного); мера радикализма методов борьбы; международная поддержка и признание сепаратистских движений.

Исследование федерализма в Югославии доказывает беспомощность этнотерриториальных моделей государства в данной стране. Причины – геополитическое расположение южнославянского ареала на рубеже конфликтующих цивилизаций; острота и взаимное наложение базовых социокультурных расколов (этнического, религиозного, политического). К внутренним факторам дезинтеграции добавляется агрессия стран НАТО, ограничившая суверенитет «осколочных» государств на пространстве бывшей Югославии.

Югославия испытала кризис, а затем распад в итоге выбора децентрализованной федеративной системы, этнического построения системы власти, противоречий между экономическими интересами регионов. Запад сознательно дестабилизировал Югославию, поощрял этнорелигиозный конфликт, выбрал стратегию дробления страны на слабые и враждующие сегменты, ослабления её православного ядра – Сербии.

Украина – пример глубоко расколотого, многонационального государства. В нем отсутствует прочная национальная идентичность большинства жителей. Устойчиво проявляются долгосрочные размежевания: центр – периферия (с преобладанием локальной идентичности), город – село, религиозность – секулярность, русскоязычные – украиноязычные территории. Пространственное распределение расколов совпадает, усиливая их конфликтогенный потенциал.

Причиной кризиса украинского государства стал отказ элит от славянского единства, курс принудительной вестернизации. В итоге – русское национальное движение в Крыму и Донбассе, гражданская война, вмешательство стран НАТО.

Сербия и Украина испытывают территориальные процессы фрагментации, цели которых одинаковы: подчинение стран воле Запада, поощрение длительных конфликтов, разрушение национальных государств. Этот вызов ставит перед славянским миром задачу обретения геополитической самостоятельности.

Список литературы

1. Региональная толерантность, ксенофобия и права человека в Украине в 2012 году: аналитический отчет по результатам исследования. – Режим доступа: <http://www.ihrpex.org/ru/docs/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Анчев С. И. Республика Косово – американский протекторат с европейским участием / С. И. Анчев // Косово и Метохија 1912 – 2012. Међународни тематски зборник. – Косовска Митровица : Универзитет у Приштини, 2012. – С. 59–72.
3. Больше половины граждан Украины говорят на украинском в быту. 23.08.2011. – Режим доступа: www.pravda.com.ua/rus/news/2011/08/23/6524063/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Васильева Н. В. Балканский тупик?... (Историческая судьба Югославии в XX веке) / Н. В. Васильева, В. А. Гаврилов. – М. : Гея итэрум, 2000. – 480 с.
5. Вендина О. И. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий / О. И. Вендина, В. А. Колосов, Ф. А. Попов, А. Б. Себенцов // Полис. – 2014. – № 5. – С. 50–67.
6. Ешич М. Сербь на Балканах в прошлом и настоящем / М. Ешич // Двести лет новой сербской государственности / отв. ред. В. К. Волков. – СПб : Алетей, 2005. – С. 360–387.
7. Заславська М. Рай для олігархів: В Україні панують ідеальні можливості для розвитку та процвітання монополій / М. Заславська // Український тиждень. – 2012. – № 32 (249). – 10–16 серпня. – С. 16–19.
8. Изакович З. Политические и этнорелигиозные аспекты югославского конфликта / З. Изакович // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 37–44.
9. Парламент і парламентські вибори в Україні 2012 р.: політична ситуація, суспільні настрої та очікування (робоча версія): до круглого столу на тему «Україна напередодні парламентських виборів: чи справдяться очікування громадян» : інформаційно-аналітичні матеріали. – Київ : Центр ім. О. Разумкова, 2012. – 105 с.
10. Князев Ю. О чем говорит опыт Югославии? / Ю. Князев, Л. Тягуенко // Диалог. – 1990. – № 2. – С. 95–99.
11. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. – М. : Юридическая литература, 1975. – 191 с.
12. Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран / под ред. Ю. В. Новопашина. – М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. – 238 с.
13. Кошик А. Экономические противоречия между регионами: миф или реальность? / А. Кошик. – Режим доступа: www.analitik.org.ua, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Кремень В. Україна: проблеми самоорганізації / В. Кремень, Д. Табачник, В. Ткаченко. – Київ : Промінь, 2003. – Т. 2. – 464 с.
15. Кудряшова И. В. Этнополитическая гомогенизация под международным контролем: Босния и Герцеговина и Косово / И. В. Кудряшова // Политическая наука. – 2010. – № 1. – С. 100–137.
16. Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине / В. Малинкович // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М. : Европа, 2005. – С. 29–64.
17. Мальгин А. В. Украина: соборность и регионализм / А. В. Мальгин. – Симферополь : СОНАТ, 2005. – 280 с.
18. Марков С. А. «Оранжевая революция» – пример революции глобального сообщества / С. А. Марков // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М. : Европа, 2005. – С. 65–90.
19. Мацневский Ю. Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004–2010 гг. / Ю. Мацневский // Полис. – 2010. – № 5. – С. 17–37.
20. Мелешкина Е. Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе / Е. Ю. Мелешкина. – М. : ИНИОН РАН, 2012. – 252 с.
21. Отношение жителей Украины и России к событиям в Украине. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/03-03-2014/otnoshenie-zhitelei-ukrainy-i-rossii-k-sobytiyam-v-ukraine>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
22. Пономарёва Е. Г. Новые государства на Балканах / Е. Г. Пономарёва. – М. : МГИМО (У) МИД России, 2010. – 252 с.
23. Попов А. Парадоксы революции / А. Попов // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М. : Европа, 2005. – С. 137–162.
24. Попов Э. А. Наступление на русский язык на Украине: до и после «оранжевой» революции / Э. А. Попов // Современные политические процессы на Украине. – Ростов н/Д : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 125–137.

25. 52 % украинцев готовы поддержать вступление страны в НАТО на референдуме: сощопрос. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1852324.html#ixzz3Ej4IXMs0>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
26. Результаты национального опитування IRI в Україні: березень 2014. – Режим доступа: <http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14086/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. укр.
27. Самсонова Ю. Война миров: Показатели поддержки украинцами Таможенного и Европейского союзов сближаются / Ю. Самсонова // Власть денег. – 2013. – № 25–26 (390). – 21 июня.
28. Сербия. Новости, комментарии, документы, факты, анализ. – Београд, 1996. – № 26. – С. 31.
29. 46 % населения считают, что Украина должна стать полноправным участником Таможенного союза. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20121221/203597047.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
30. Сощопрос: Курс на «евроинтеграцию» поддерживают 53 % украинцев, 35 % – против. – Режим доступа: www.regnum.ru/news/polit/1720648.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
31. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
32. Уилсон Э. Рецензия: Anders Aslund. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2009. 345 p. / Э. Уилсон // Pro et Contra. – 2009. – № 5–6 (47). – С. 154–157.
33. Україна: Процесі націотворення / упоряд. А. Каппелер. – Київ: К.І.С., 2011. – 416 с.
34. Устав Савезне Републике Југославије. – Београд: Службени лист, 1996. – 68 с.
35. Фесенко В. В. Кризис в Украине в восприятии украинцев / В. В. Фесенко // Pro et Contra. – 2014. – Т. 18, № 3–4. – С. 26–35.
36. Финько А. Выборы 2004 года: основные конфликты и их последствия / А. Финько // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 207–229.
37. Югославия в огне: Документы, факты, комментарии / под ред. Е. Ю. Гуськовой. – М.: Экспертинформ, 1992. – Кн. 1. – 372 с.
38. Bartolini S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union / S. Bartolini. – New York: Oxford Univ. Press, 2007. – 417 p.
39. King I. Peace at Any Price: How the World Failed Kosovo / I. King, W. Mason. – Ithaca; New York: Cornell Univ. Press, 2006. – 303 p.
40. Rotberg R. I. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators / R. I. Rotberg // State Failure and State Weakness in a Time of Terror. – Washington: Brookings Institution Press, 2003. – P. 1–25.
41. The Case for Kosova: Passage to Independence / ed. by A. Di Lellio, with an afterword by I. Kadare. – London – New York: Anthem Press, 2006. – 209 p.

References

1. *Analitycheskiy otchet po rezultatam issledovaniya "Regionalnaya tolerantnost, ksenofobiya i prava cheloveka v Ukraine v 2012 godu"* [Analytical report on the results of the study "Regional tolerance, xenophobia and human rights in Ukraine in 2012"]. Available at: <http://www.ihrpex.org/ru/docs/>.
2. Anchev S. I. Respublika Kosovo – amerikanskiy protektorat s evropeyskim uchastiem [Republic of Kosovo – American protectorate with European participation]. *Kosovo i Metokhiya 1912–2012. Mechnarodni tematski zbornik* [Kosovo and Metokhia 1912–2012. International thematic collection]. Kosovska – Mitrovica, Univerzitet u Prishtini Publ., 2012, pp. 59–72.
3. *Bolshe poloviny grazhdan Ukrainy govoryat na ukrainskom v bytu. 23.08.2011* [More than half of Ukrainian citizens speak Ukrainian at home. 23.08.2011]. Available at: www.pravda.com.ua/rus/news/2011/08/23/6524063/.
4. Vasileva N. V., Gavrilov V. A. *Balkanskiy tupik?... (Istoricheskaya sudba Yugoslavii v XX veke)* [Balkan impasse? ... (The historical fate of Yugoslavia in the XXth century)]. Moscow, Geya iterum, 2000, 480 p.
5. Vendina O. I., Kolosov V. A., Popov F. A., Sebencov A. B. *Ukraina v politicheskom krizise: obraz Rossii kak katalizator protivorechiy* [Ukraine political crisis: the image of Russia as a catalyst for conflict]. *Polis* [Polis], 2014, no. 5, pp. 50–67.

6. Eshich M. Serby na Balkanah v proshlom i nastoyashhem [Serbs in the Balkans in the past and present]. *Dvesti let novoy serbskoy gosudarstvennosti* [Two hundred years of a new Serbian state]. Ed. by V. K. Volkov. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2005, pp. 360–387.

7. Zaslavska M. Ray dlya oligarkhiv: V Ukraïni panuyut idealni mozhlivosti dlya rozvitku ta protsvitannya monopoliy [Paradise to oligarchs: In Ukraine dominated ideal opportunities for development and prosperity of monopoly]. *Ukraïnskiy tizhden* [Ukrainian week], 2012, no. 32 (249), August 10–16, pp. 16–19.

8. Izakovich Z. Politicheskie i etnoreligioznye aspekty yugoslavskogo konflikta [Political and ethnic and religious aspects of the Yugoslav conflict]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1996, no. 5, pp. 37–44.

9. *Informatsiyno-analitichni materiali “Parlament i parlamentski vibori v Ukraïni 2012 r.: politichna situatsiya, suspilni nastroi ta ochikuvannya (robocha versiya): do kruglogo stolu na temu “Ukraïna naperedodni parlamentskikh vboriv: chi spravdyatsya ochikuvannya gromadyan”* [Information-analytical materials “Parliament and parliamentary elections in Ukraine: 2012 political situation, social attitudes and expectations (working version)”: the round table “Ukraine on the eve of parliamentary elections or fulfilled expectations”]. Kiev, Center in honour of O. Razumkov Publ., 2012, 105 p.

10. Knyazev Yu., Tyagunenko L. O chem govorit opyt Yugoslavii? [What does the experience of Yugoslavia?]. *Dialog* [Dialogue], 1990, no. 2, pp. 95–99.

11. *Konstitutsiya Sotsialisticheskoy Federativnoy Respubliki Yugoslavii* [The Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1975, 191 p.

12. Konflikty v poslevoennom razvitii vostochnoevropejskikh stran [The conflicts in the post-war development of the Eastern European countries]. ed. by Ju.V. Novopashin. Moscow: Institut slavjanovedeniya i balkanistiki RAN, 1997. 238 p.

13. Koshik A. *Ekonomicheskie protivorechiya mezhdur regionami: mif ili realnost?* [Economic contradictions between regions: the myth or the real-ness?] Available at: www.analitik.org.ua.

14. Kremen V., Tabachnik D., Tkachenko V. Ukraïna: problemi samoorganizatsii [Ukraine: Problems of self-organization]. Kiev, Promin Publ., 2003, vol. 2, 464 p.

15. Kudryashova I. V. Etnopoliticheskaya gomogenizatsiya pod mezhdunarodnym kontrolem: Bosniya i Gertsegovina i Kosovo [Ethnopolitical homogenization under international control: Bosnia and Herzegovina and Kosovo]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2010, no 1, pp. 100–137.

16. Malinkovich V. O prichinakh “oranzhevoy revolyutsii” v Ukraine [On the reasons for the “Orange Revolution” in Ukraine]. “*Oranzhevaya revolyutsiya*”. *Ukrainskaya versiya* [“Orange Revolution”. Ukrainian version], Moscow, Evropa Publ., 2005, pp. 29–64.

17. Malgin A. V. *Ukraina: sobornost i regionalizm* [Ukraine: Unity and Regionalism]. Simferopol, SONAT Publ., 2005, 280 p.

18. Markov S. A. “Oranzhevaya revolyutsiya” – primer revolyutsii globalnogo soobshchestva [“Orange Revolution” – an example of the revolution of the global community]. “*Oranzhevaya revolyutsiyay*”. *Ukrainskaya versiya* [“Orange Revolution”. Ukrainian version]. Moscow, Evropa Publ., 2005, pp. 65–90.

19. Macievskiy Yu. Smena, tranzit ili tsikl: dinamika politicheskogo rezhima v Ukraine v 2004–2010 gg. [Change, transit or cycle: the dynamics of the political regime in Ukraine in 2004 – 2010]. *Polis* [Polis], 2010, no. 5, pp. 17–37.

20. Meleshkina E. Yu. Formirovanie novykh gosudarstv v Vostochnoy Evrope [Formation of new states in Eastern Europe]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS Publ., 2012, 252 p.

21. Otnoshenie zhiteley Ukrainy i Rossii k sobyitiyam v Ukraine [The ratio of citizens of Ukraine and Russia to the events in Ukraine]. Available at: <http://www.levada.ru/03-03-2014/otnoshenie-zhitelei-ukrainy-i-rossii-k-sobyitiyam-v-ukraine>.

22. Ponomareva E. G. *Novye gosudarstva na Balkanakh* [New states in the Balkans]. Moscow, MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs in Russia Publ., 2010, 252 p.

23. Popov A. Paradoksy revolyutsii [Revolution’s Paradoxes]. “*Oranzhevaya revolyutsiya*”. *Ukrainskaya versiya* [“Orange Revolution”. Ukrainian version]. Moscow, Evropa Publ., 2005, pp. 137–162.

24. Popov E. A. Nastuplenie na russkiy yazyk na Ukraine: do i posle “oranzhevoy” revolyutsii [The onset of the Russian language in Ukraine before and after the “Orange revolution”]. *Sovremennyye politicheskie processy na Ukraine* [Current political processes in Ukraine]. Rostov-on-Don, North-Caucasus Scientific Center of Higher School of the Southern Federal University Publ., 2009, pp. 125–137.

25. 52 % ukrainsev gotovy podderzhat vstuplenie strany v NATO na referendum: sotsopros [52 % of Ukrainians are ready to support the country's entry into NATO]. Available at: <http://www.regnum.ru/news/polit/1852324.html#ixzz3Ej4IXMs0>.
26. Rezultati natsionalnogo opituvannya IRI v Ukraïni: berezen 2014 [Results of a national survey of IRI Ukraine in March 2014]. Available at: <http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14086/>.
27. Samsonova Yu. Voyna mirov: Pokazateli podderzhki ukrainsami Tamozhennogo i Evropeyskogo soyuzov sblizhayutsya [War of the Worlds: The indicators support by Ukrainians to Custom and the European Union closer together]. *Vlast deneg* [The power of money], 2013, no. 25–26 (390), June 21.
28. Serbiya. *Novosti, komentarii, dokumenty, fakty, analiz* [Serbia. News, comments, documents, facts and analysis]. Beograd, 1996, no. 26, p. 31.
29. 46 % naseleniya schitayut, chto Ukraina dolzhna stat polnopravnym uchastnikom Tamozhennogo soyuza [46 % of the population believes that Ukraine should become a full-com participants of the Customs Union]. Available at: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20121221/203597047.html>.
30. Sotsopros: Kurs na "evrointegratsiyu" podderzhivayut 53 % ukrainsev, 35 % – protiv [Opinion poll: on the "European integration" course support 53 % of Ukrainians, 35 % – against]. Available at: www.regnum.ru/news/polit/1720648.html.
31. Tishkov V. A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoy antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in the social and cultural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 544 p.
32. Wilson J. *Retsenziya: Anders Aslund. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2009. 345 p.* [Review: Anders Aslund. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2009. 345 p.]. *Pro et Contra* [Pros and Cons]. Moscow, 2009, no. 5–6 (47), pp. 154–157.
33. Kappeler A. *Ukraïna: Protsesi natsiotvorenniya* [Ukraine: the processes of nation-building]. Kiev, K.I.S. Publ., 2011, 416 p.
34. *Ustav Savezne Republike Yugoslaviye* [The Constitution of the Federal Republic of Yugoslavia]. Beograd, Sluzhbeni list, 1996, 68 p.
35. Fesenko V. V. *Krizis v Ukraine v vospriyatii ukrainsev* [The crisis in Ukraine in the perception of Ukrainians]. *Pro et Contra* [Pros and Cons], 2014, vol. 18, no. 3–4, pp. 26–35.
36. Finko A. *Vybory 2004 goda: osnovnye konflikty i ih posledstviya* [The 2004 elections: the main conflicts and their consequences]. "Oranzhevaya revolyutsiya". *Ukrainskaya versiya* ["Orange Revolution". Ukrainian version]. Moscow, Evropa Publ., 2005, pp. 207–229.
37. *Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, komentarii* [Yugoslavia in the fire: documents, facts, comments]. Ed. by E. Yu. Guskova. Moscow, Expertinform Publ., 1992, vol. 1, 372 p.
38. Bartolini S. *Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union*. New York, Oxford Univ. Press Publ., 2007, 417 p.
39. King I, Mason W. *Peace at Any Price: How the World Failed Kosovo*. Ithaca – New York, Cornell Univ. Press Publ., 2006, 303 p.
40. Rotberg R. I. *Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Washington, Brookings Institution Press Publ., 2003, pp. 1–25.
41. *The Case for Kosova: Passage to Independence*. Ed. by A. Di Lellio, with an afterword by I. Kadare. London – New York, Anthem Press Publ., 2006, 209 p.